

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ЭТНОГРАФИИ¹

Citius emergit veritas ex errore,
quam ex confusione.
Bacon.

Не без колебания решился я наняться пересмотром вопроса о предмете и задачах этнографии, как научной дисциплины. Вопросу этому в разные моменты жизни Этнографического Отделения Императорского Русского географического общества посвящены были работы таких выдающихся ученых, как натуралист К.Э. фон-Бэр, славист и историко-географ Н.И. Надеждин – еще в самом начале деятельности Отделения. Позднее, в 1885 г., по вопросу «о задачах русской этнографии» выступал в нем такой глубокий знаток истории русской литературы, как А.Н. Пыпин. Четыре года спустя, той же теме, с совершенно тождественным заглавием, посвящена была большая статья географа и антрополога Д.Н. Анучина в первом номере возникшего тогда специального журнала «Этнографическое Обозрение»². Этнографическая литература разрослась с тех пор до того, что десятилетиями издавались Географическим обществом составлявшиеся Межовым ежегодные указатели литературы по этнографии. Над изучением быта разноплеменного населения России неустанно работали этнографы-лингвисты, собиратели фольклора, юристы и социологи и просто бытописатели. В 1892 г. закончен изданием капитальный четырехтомный труд А.Н. Пыпина: «История русской этнографии». В 1913 г. Географическое общество издало большой том по библиографии русской этнографии, составленный Д.К. Зелениным, а в 1914 и 1915 гг. – два тома «Описания рукописей ученого архива Общества» того же автора. Появлялись от времени до времени специальные работы, посвященные анализу понятия «этнография», выяснению связи этнографии с другими науками и ее методологии. Между ними заслуживает быть отмеченным исследование Н.Н. Харузина³, посвятившего этому вопросу пропедевтическую, общую часть своего курса «Этнографии» читанного им в Императорском Московском университете. В 1902 г. положено основание Отделу Этнографии в Русском Музее Императора Александра III. Нужно, следовательно, а priori допустить, что, за истекшие более 100 лет со времен возникновения самого термина «этнография», наука эта, истории которой только на русской почве можно было посвятить 4 тома, должна была сложиться в совершенно определенную дисциплину, с ясно очерченной областью

¹ Доклад, читанный в заседании Отделения Этнографии ИРГО 4 марта 1916 г.

² Д.Н. Анучин. О задачах русской этнографии. Этнографическое Обозрение. 1889, №1, стр. 1-35.

³ Н.Н. Харузин. Этнография. Вып. I. СПб. 1901. Стр. 1-68.

изучения, прочно намеченными задачами и установленным методом исследования.

Конец моим сомнениям и колебаниям положило совершенно случайное обстоятельство. В последнем, IX выпуске LI т. «Известий» Императорского Русского географического общества две первых статьи посвящены вопросу: что такое география? Статья Л.С. Берга «Предмет и задачи географии» начинается так: «Вряд ли относительно какой-нибудь другой науки было столько споров об ее содержании, целях и методах, как относительно географии. Некоторые даже утверждают, что география вовсе не наука, а собрание фактов, понабранных из разных отраслей знаний, как естественных, так и гуманитарных. Но даже и те, кто признает географию за отдельную науку, весьма сильно расходятся в определении ее объема и задач». И Л.С. Берг, следуя за А. Hettner'ом⁴, устанавливает, несомненно, новый взгляд на задачи географии, весьма существенно отличающийся от обычно считавшегося молчаливо принятым, несмотря на разногласия, дает новое ее определение и характеризует новым словом метод исследования географической науки.

Не то ли самое мы находим в нашей, еще менее популярной в широких кругах, отрасли знания – этнографии? Все ли этнографы согласны в определении самого понятия, заключающегося в слове «этнография», все ли одинаково смотрят на ее объем, содержание и задачи? Все ли признают этнографию наукой, оперирующей научным методом? Не своевременно ли, наконец, оглянувшись на последние этапы в развитии науки, заново пересмотреть все здание научной этнографии? Быть может, и здесь, как в выше приведенном примере географии, пора реконструировать его на своих основаниях? Посильному ответу на последний вопрос послужит дальнейшее содержание моего доклада, для ответа же на первые три вопроса мне достаточно будет лишь нескольких, небольших цитат, ибо я вовсе не имею в виду утомлять ваше внимание историей взглядов на этнографию; ей посвящены были всем известные статьи и исследования, к которым желающие возобновить в памяти перипетии борьбы идей на этой почве и могут обратиться⁵.

Но прежде, однако, нам необходимо остановиться и посмотреть, как ставилась задача этнографического исследования в самом начале деятельности Этнографического Отделения и какие во времени она претерпевала изменения. К.Э. фон-Бэр писал: «Все, что народ сохранил от прошедшего, может повести часто к весьма важным заключениям. Сюда мы отнесем: физические свойства народа, умственные способности его, религию, предрассудки, нравы, способы к жизни, жилище, посуду,

⁴ А. Hettner. Das Wesen und die Methode der Geographie. Geogr. Zeitschr. XI. 1905.

⁵ Т. Ахелис. Современное народоведение. СПб. 1900. – Weule. Volkerkunde etc. im XIX Jahrhundert. Leipzig. 1902. – Peschel O. Volkerkunde. Leipzig. 1875.

оружие, язык, поверья, сказки, песни, музыку и пр.» Далее Бэр жалуется на отсутствие внимания к окружающему нас современному быту: «Составлены целые собрания египетских редкостей и употреблены на это миллионы... но я сомневаюсь, чтобы где-нибудь сохранили русскую балалайку, хотя через столетия настоящая балалайка, конечно, будет большой редкостью. Вообще, из собственно русских произведений едва ли мы найдем что-нибудь в музеях, кроме разве лаптей, которые Петр Великий подарил на память в Копенгагене». Бэр мало писался вопроса об обработке этнографических материалов; он все свое внимание сосредоточивает на доказательствах важности этнографических исследований и их пользы в сфере практической жизни и политики. Его целью было вызвать накопление фактического материала, музейных документов, и нужно сказать, что горячая проповедь его не осталась без результатов. Прямым и первым по времени ответом на постановку вопроса Бэром, кроме организованных им самим экспедиций, явилась, например, деятельность, которую развил в провинции советник воронежского губернского правления Н.И. Второв. Еще в начале 50-х годов, при содействии учителя рисования кадетского корпуса С.П. Павлова и купеческого и сына из города Острогожска М.Б. Тулинова, Второв составил подробную программу и начал замечательно энергичное и богатое по результатам собирание сведений и материалов по быту населения Воронежской губернии⁶. В другое время, быть может, мне удастся еще рассказать вам, к сожалению, довольно грустную историю этих пионеров этнографических изысканий в провинции, своевременно не нашедших должной поддержки со стороны Императорского Русского географического общества в их весьма плодотворной деятельности, так как, путешествуя летом 1904 года, по следам Н.И. Второва, по Воронежской губернии, я имел случай проследить по документам труды и усилия этих замечательных русских людей, достаточно в настоящее время позабытых.

Дополнением, весьма существенным, к изложению задач этнографии в России К.Э. фон-Бэра является сообщение Этнографическому Отделению Н.И. Надеждина в 1846 году: «Об этнографическом изучении народности русской», где автор прилагает все усилия к тому, чтобы сосредоточить внимание исследователей на этнографическом изучении России. Особенным предметом внимания, по его мнению, «должно быть то, что именно делает Россию Россией, т.е. человек русский, – разумея совокупность отличительных черт, теней и оттенков, уславливающих особую, самообразную бытность человечности или, как говорятся обыкновеннее, – народности русской, сказать короче, еще – этнографию

⁶ Воронежский юбилейный сборник в память 300-летия города Воронежа. Воронеж, 1886, стр. 236-297 и Русский Художественный Листок 1860-61 гг. Листы « 34 и № 35.

собственно русскую». Этой этнографии русской еще нет, по мнению Надеждина. «Нет и не будет», говорил он, «пока этот материал только что копится. да копится, пока им... не займется и не распорядится паука». В первую очередь Н.И. Надеждин, как славист, ставил изучение лингвистическое – «слово устное, язык живой, в своем... простонародном употреблении», которое должно быть обращено на пользу этнографии. После языка Н.И. Надеждин обращает свое внимание на две стороны природы человека, телесную и духовную, и выражается так: «Это составить две другие части народоописательной науки, который можно назвать этнографией физической и этнографией психической». Надеждин требует, научной разработки этнографических материалов, этнографической критики и указывает путь к этому: «наблюдать и изучать народность в ее действительном быту», и путем к решению вопроса, что же такое составляет сущность «бытности» народа русского, «не что иное может, и должно быть, как сравнение», т.е. метод сравнительный, столь широко позднее использованный новейшими этнографами.

Весьма существенно и интересно отметить здесь еще и то, что в упомянутой выше речи своей о «задачах русской этнографии» А.Н. Пыпин останавливается с особым вниманием на вопросе практическом «что было бы нужно для правильной, широкой постановки той науки, от успеха которой так много зависит наше знание народа». Нужно, по мнению А.Н. Пыпина, прежде всего собрать возможно больше материала. Материал, уже собранный, велик, но его недостаточно, если принять во внимание громадную область, на которой раскинуто русское племя, и разнообразные условия его жизни.

«При всем обилии этнографической литературы, крайне неполны еще сведения о самой господствующей народности. Великорусское племя существует теперь в целом ряде оттенков и вариаций, которые не только не исследованы вполне, но иногда едва намечены». Доказывая всю важность, глубокий «общественный смысл» изучения народного мировоззрения и всех явлений культурной жизни народа, Пыпин считал нужным организовать возможно более обширное собрание этнографических материалов, и иритом не случайное и отрывочное, а систематическое и научное, через посредство университетски образованных и специально подготовленных лиц и при помощи любителей, надлежащим образом руководимых. Далее Пыпин говорил еще о значении этнографических музеев и научной их деятельности, а также значении и важности библиографии русской этнографии.

Совершенно справедливо указывает Д.Н. Анучин⁷, что статья А.Н. Пыпина о задачах этнографии не совсем соответствует заглавию, так как посвящена почти исключительно вопросу о собирании этнографического

⁷ Д.Н. Анучин, о.с. стр. 23-24.

материала. Темь не менее, Д.Н. Анучин, сделав в своей статье исторический обзор накопления этнографических материалов, весьма естественно, уделяет много места также и вопросу практической постановки этнографического исследования. «Вообще, по нашему мнению», писал Д.Н. Анучин, «процесс монографического описания какого-нибудь племени или этнографической области должен быть, в главных своих чертах, следующий. Берущийся за такую работу должен быть знаком с основаниями этнографической науки вообще и этнографии России в частности; кроме того, он должен иметь достаточное понятие о методах и приемах собирания этнографических данных. Обладая такой общей подготовкой, он должен ознакомиться основательно с литературой избранной им народности или этнографической области, просмотреть все то, что есть по ним в доступных музеях и архивах, наметить ряд ближайших вопросов для собственных дальнейших изысканий, заручиться нужными пособиями и указаниями для путешествия и отправиться затем, по крайней мере, на несколько месяцев, для ближайшего личного ознакомления с объектом своих исследований. Ознакомившись с народом, его типом, различными сторонами его быта и по возможности, с его языком (знание местного языка существенно полезно и необходимо для исследователя) привезя с собой этнографическую (а по возможности и антропологическую) коллекцию, серию фотографий и рисунков и несколько сплошь исписанных записных книжек, исследователь должен приняться за разработку добытого им материала и за его проверку и пополнение уже имеющимися в литературе данными. В заключение останется только надлежащим образом разгруппировать материал и обработать его более или менее литературно, отнеся мелкие подробности в примечания и дополнив свое изложение библиографическим указателем и, если окажется надобность, приложениями (например, песни, сказки, ноты, словарь и т.п.). Если при этом к тексту будут еще приложены достаточно удачные рисунки (теперь необходимо дополнить – фотографии. Н.М.), изъясняющие тип и подробности быта народа, и карта, показывающая его расселение, то получится в высшей степени ценная и важная для науки монография, которая может избавить будущих исследователей от всякой необходимости рыться снова в разбросанной прежней литературе предмета». Работы монографические должны быть дополнены, по мнению Д.Н. Анучина, работами аналитического характера: «Аналитические работы в области этнографии должны составлять свой отдельный цикл и преследовать свои особенные цели. Предметом их может быть любая сторона народного быта, материального или духовного, даже известная категория поверий, известный род изделий, какой-нибудь обряд, сказка, предрассудок и т.п. Такие работы могут быть в высшей степени интересны и плодотворны по своим результатам, но они предполагают достаточную эрудицию и начитанность, умение отыскивать подходящие аналогии и

известную способность к анализу и к логическому комбинированию разрозненных данных. Такого рода работы имеют в этнографии подобное же значение, как работы сравнительно анатомические, эмбриологические и, пожалуй, биолого-географические в зоологии. Без них нельзя достигнуть более глубокого понимания этнографических фактов, и в тоже время, располагая однородные факты в известной последовательности и связи, они дают им новое освещение, уясняют смысл кажущихся иногда второстепенными и несущественными подробностей и позволяют легко обнять и удержать в памяти их разнообразие»⁸.

Позднейшее развитие этнографии у нас в России повело к тому, что деятели науки новейшего времени, по сравнению со своими предшественниками, стали уделять гораздо больше внимания теории науки; из печатных трудов начала XX века мы и заимствуем те цитаты, о которых упоминали выше. Весьма понятно, нам невозможно совершенно набежать знакомства с теми определениями и суждениями европейских ученых прежнего и нового времени, которые несомненно оказали свое влияние на развитие теоретических идеи у нас и дадут нам сравнительный материал для суждения о высказанных в печати за последние годы взглядах наших современников.

На первой странице общей части своих лекций по этнографии, изданных в 1901 году, Н.Н. Харузин пишет: «Наука этнографии – наука новая. Она еще не успела завоевать себе равного положения среди старейших сестер, и ни цели, ни приделы ее, ни даже самое название ее еще не определены вполне и являются спорными: одни ее называют этнографией, другие этнологией, иные считают ее частью антропологии, или частью истории, или, наконец, смешивают ее с социологией. Некоторые ученые считать ее наукой естественно-исторической, другие причисляют ее к общественным наукам». Если мы заглянем во французский словарь антропологических наук, то под словом *ethnographie* найдем следующие строки: «Слово это употребляется вместе со словом этнология и в одном и том же смысле. Это ошибка. «Этнология» – термин, без которого можно было бы прекрасно обойтись, есть синоним социология. Термин «этнография» значить: частное описание рас и народов»⁹. Для основателя французской школы П. Брока «частное описание и определение рас, их сходств и различий, как со стороны их физической конституции, так и в отношении их интеллектуального и социального состояния... есть объект части антропологии, которую называют этнологией. Она заимствует у этнографии или описания народов документы, касающиеся внешней формы и общего вида

⁸ Д.Н. Анучин, о.с. стр. 28.

⁹ Dictionnaire des sciences anthropologiques. Paris. p. 455.

индивидуумов»¹⁰... Эта точка зрения усвоена многими представителями французской школы, как, например, А. Hovelaque'ом¹¹, G. Herve, L. Manouvrier¹². В своем учебнике «Precis d'anthropologie»¹³ А. Hovelaque и G. Herve в главе «ethnographie» дают систематическую соматологическую характеристику всех народов и лишь последние 80 страниц уделяют беглому обзору культуры. В предисловии к недавно вышедшей в Париже книге, озаглавленной «Расы и народы земного шара», Деникер¹⁴ говорит, что, сообразуясь с классификацией антропологических дисциплин, можно было бы озаглавить ее этнографией, но три большие главы, посвященных эволюции быта, озаглавлены им: «признаки социологические»; вероятно, автор следует в этом отношении за Ch. Letourneau, который чисто этнографическим исследованиям предпочитал давать названия социологических. Наконец, термин этнология, без которого, как мы видели, некоторые ученые считают возможным обойтись, получил почти исключительные права гражданства в Англии и особенно в Америке, все больше укрепляется в Германии¹⁵ и медленно инфильтрируется и в русскую научную литературу. Англичанин Кин прямо говорит, что этнография скорее литература, чем наука: «она чисто описательным образом трактует о характере, обычаях и проч. чертах быта разных народов без отношения к возможным физическим связям и сродству»¹⁶. Известным ученым Фридрихом Мюллером оба слова, т.е. этнография и этнология, употребляются как синонимы. Если мы обратимся к русским этнографам, то найдем у них следующие новейшие определения этнографии и ее задач. Н.Н. Харузин приходит к выводу, что «этнография является наукой, которая, изучая быт отдельных племен и народов, стремится отыскать законы, согласно которым шло развитие человечества на низших ступенях культуры» (1901 г.)¹⁷. Л.Я. Штернберг пишет: «Этнография – наука, занимающаяся научением культуры народов, не входящих в круг ведения истории и доисторической археологии, т.е. главным образом, народов первобытных и тех слоев культурных народов,

¹⁰ Article Anthropologie du Dictionnaire encycloped. des sciences medicales, t. V. p. 276. Paris, 1866.

¹¹ A. Hovelaque. Ethnologie et ethnographie. Bull. De la Soc. d'Anth. de Paris, 1876, 2 ser. T. XI, p. 298.

¹² L. Manouvrier. Le classement universitaire de l'Anthropologie. Revue de l'ecole d'Anthrop., 1907.

¹³ A. Hovelaque et G. Herve. Precis d'Anthropologie. Paris. 1887, p. 347.

¹⁴ I. Deniker. Les races et les peuples de la terre. Paris. 1900.

¹⁵ P.W. Schmidt. Die modern Ethologie. Antropos, 1906. Bd. I, s. 134.

¹⁶ Keane. Ethnology. 1906.

¹⁷ Н.Н. Харузин, о.с., стр. 37. См. также: Н.М. Могилянский. Этнография и ее задачи (по поводу одной книги). Ежегодник Русского Антропологического общества. Т. III, стр. 101-114.

которые наиболее сохранили черты первобытного строя» (1904 г.)¹⁸. Наконец, Ф.К. Волков дает такое определение науки: «Антропология этнографическая или сравнительная этнография есть учение о формах быта и их развитии» (1915 г.)¹⁹, причем «учение о народах, их этническом составе и происхождении и их быте материальном и психическом», по его мнению, составляет задачу «антропологии этнологической или этнологии». Уже этих немногих выписок достаточно, чтобы ответить отрицательно на три первых мною поставленных вопроса и признать законной попытку, оглянувшись на пройденные в последние годы этапы мысли, сговориться хотя бы по основным пунктам, так как спор, по существу, часто идет лишь об условных понятиях. Ведь, если, в конечном итоге, название науки, ее наименование в ее определении играет наименьшую роль, то все же достигнутое соглашение в этом направлении могло бы избавить от лишних недоразумений и путаницы в словах и понятиях.

Если мы теперь вдумаемся глубже в три вышеприведенный определения науки, данные русскими этнографами, то к большому удовольствию убедимся в том, что они не только не противоречат одно другому, но в разных выражениях и словах сводятся, по существу, к единой общей идее, лежащей в основе их всех. Этнография изучает быт, явления культурной жизни народов; она эти явления классифицирует и выводит законы, по которым развивается культурная жизнь народов. Установление этнических групп, рас, народов, как этнических индивидуумов. их классификация соматическая или лингвистическая исключаются из круга ведения этнографии. Народ, *ἔθνος* – лишь субстрат, на котором происходят те или иные явления, та реальная почва, на которой они проявляются, но сам по себе народ, классификация народов – предмет ведения других дисциплин, и к нему подходят, с другими, специальными методами.

С этой точки зрения логически правильно Л.Я. Штернберг возражает против таких терминов, как «русская этнография» или «общая этнография» (Ф. Мюллера), считал их неправильными; «этнография одна, хотя существуют этнографические описания России, Германии и т.д., русские этнографы, немецкие и т.д.»²⁰, говорит этот автор в пояснение своей мысли. Первые два автора сходятся еще в том, что оба горячо отстаивают термин «этнография» от замены его термином «этнология».

Мы позволяем себе здесь же категорически присоединиться к тому взгляду, что исторически сложившиеся и привившиеся у нас термины

¹⁸ Л.Я. Штернберг. Этнография. Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрома. Т. 81, стр. 180-190, СПб. 1904.

¹⁹ Ф.К. Волков. Антропология и ее университетское преподавание. Ежегодник Русского Антропологического Общества. Т. V, стр. 99-107, Петроград. 1915.

²⁰ Л.Я. Штернберг, о.с., стр. 181.

«этнография», «этнографический» нет никакой нужды, ни серьезных оснований заменять терминами «этнология», «этнологический», – они должны быть удержаны, – хотя нет и достаточных оснований к тому, чтобы вовсе вывести из обихода эти новые у нас термины, тем более что в литературе они уже проложили себе широкий путь, и правильное пользование ими у нас в России облегчит русскому читателю идейное общение с европейско-американским научным миром. Введение же термина этнология вместо этнография, если бы доказаны были преимущества первого, могло бы быть делом соглашения.

Можем ли мы присоединиться к той общей идее, высказанной тремя вышецитированными авторами, что этнография есть лишь учение о формах быта и их развитии? Мы пользуемся случаем еще раз высказаться против такого взгляда. Уже по поводу выхода в свет книги Н.Н. Харузина нами были написаны следующие строки²¹: «Не совпадает ли при таком взгляде на этнографию эта наука с историей культуры? Ведь не можем же мы допустить, чтобы историк культуры ограничился лишь одной фактической стороной прогресса, чтобы он расположил во времени и пространстве известные факты, которыми характеризуется культурное развитие, и отказался от объяснения этих фактов, от установления законов этого развития. Несомненно, далее, что для историка культуры на первом плане стоит все человечество в его целом; приводя воедино факты, добытые этнографами у разных племен и народов под разными широтами и долготами, он имеет право как бы игнорировать то, что в самом понятии и слове «этнография» поставлено во главе именно ἔθνος²². Легко убедиться, познакомившись с расположением материала и методом изложения Н.Н. Харузина во второй части его труда, где говорится о материальной культуре, что он поступает так, как должен поступать историк культуры». И далее. «На пространстве десяти-пятнадцати страниц какой-нибудь главы читатель быстро следует за автором из Полинезии и Австралии в Африку и Америку и от экватора к полярным странам. Народе – с его типическими особенностями – остается, таким образом, лишь вспомогательным материалом; он весь где-то в тени; на первом плане – человечество в целом и вопросы, связанные с его развитием, лишь иллюстрируемым тем или иным частным примером из обихода народов, очень различных и по своему расовому типу, и по условиям своего развития и существования. Так поступает историк культуры, и он, но своему, прав; но если и этнограф не отличается от него в этом отношении, то этнография и история культуры должны совпадать.

²¹ Н.М. Могиланский. Этнография и ее задачи. Ежегодник Русского Антропологического Общества Т. III, стр. 102-105. СПб. 1908.

²² Первоначально ἔθνος понималось не как народ вообще, а прилагалось к нецивилизованным, диким народам и противопоставлялось Christiani et Iudaei. Позднее термин ethnici стал применяться к изучению всех народов вообще.

Этнограф не должен игнорировать понятия *ἔθνος*; и должен показать нам, кроме истории общечеловеческого развития, еще и группировку явлений прогрессивного развития по тем этническим и расовым группам человечества, которые устанавливаются этнологией или антропологией.

Мы можем представить себе, что, при дальнейшем идеальном развитии этнографии в вышеприведенном понимании, или история культуры, вся эволюция культуры, как материальной, так и духовной, может быть сведена в стройную историю человеческой мысли. Зародыш такого понимания задач истории культуры мы даже можем уже заметить в задуманном широко, но незаконченном, за смертью автора, труде П.Л. Лаврова²³. Где же останется тогда народ – коллективная единица, этнический индивидуум, поражающий исследователя изумительным блеском своих особых, ему одному свойственных граней своего быта внешнего и духовного? Понятие *ἔθνος* – сложное понятие: это – собрание индивидуумов, объединенных в одно целое как общими чертами физических (антропологических) признаков, так и общностью исторических судеб, наконец, общностью языка, этой основы, из которой, в свою очередь, вырастает общность всего мировоззрения, народной психологии, – словом, всей духовной культуры. Сохраняя *ἔθνος*, как базу для научной этнографии, мы тем самым сохраняем ее, как таковую, и на будущее время, когда наука достигнет идеала в своем развитии, и вместе с тем вводим в круг ее ведения народы промышленные, культурные, которые многими этнографами прямо исключаются из объектов этнографического исследования. Неужели англичане, французы, итальянцы интересны для этнографа лишь постольку, поскольку он надеется найти у них факты переживания? Неужели из-за общих культурных рамок мы не в состоянии будем различить своеобразие национальных типов, со всеми различиями их духовного уклада, темперамента, психологии? Мы легко можем вообразить себе, что с прогрессирующим ходом так называемой «европейской цивилизации» и просвещения, исчезнут с лица земли и добывание «живого огня», и лучина, и национальные костюмы, и знахарство, и ведьмы, и лешие, и домовые, и вся пестрая обрядовая жизнь разных народов: китаец, негр, американец-янки, малоросс и грузин будут носить один и тот же мировой культурный костюм, освещать свое жилище электричеством и в школе усвоят современное позитивное мировоззрение, – и все же они на долгое время вперед, если не навсегда, пока сохранится их этническое целое, останутся еще малороссами, грузинами или американцами со всеми теми отличиями, какими мы видим в их темпераменте, психологии и отношении к окружающему миру: это этническое целое всегда положит отпечаток на весь уклад их жизни, творчество, эстетику.

²³ С. Арнольди. Опыт истории мысли нового времени. Т. I, ч. I. Женева. 1894. 8⁰.

Задача этнографа может в будущем сильно модифицироваться: она сведется, возможно, к сравнительной психологии народов, и мы видим уже намечающиеся пути в этом направлении, например, у Вундта²⁴ который устанавливает понятие о коллективном организме, – не в спенсеровском смысле, а, скорее, в смысле коллективной личности (Gesamtpersonlichkeit). Нет опасности потерять на этом пути связь с самой почвой этнографического изыскания – с народом и его индивидуальной жизнью, как объектом этого исследования. Если быть последовательным и смотреть на этнографию, как на науку об эволюции быта, то все этнографические музеи должны быть перестроены по новому плану. До сих пор, обыкновенно материал их классифицирован по этническому принципу, отчасти географическому, но не по основам культурной эволюции или сравнительной этнографии. Да это и вполне понятно, потому что всякая группа самых разнородных объектов материальной культуры есть нечто целое, объединенное своим происхождением; это – продукт творчества самого народа или же характеристика того, как данный народ удовлетворяет свои потребности, и в этом смысле оно, это целое, неотделимо от создавшего или пользующегося им народа. И думается мне, что такой принцип классификации сохранится в этнографических собраниях и музеях всегда, поскольку они сохраняют за собой назначение быть музеями народоведения, а не музеями общей истории культуры. Само собой понятно, что обстоятельство это не исключает возможности и даже желательности создания особых, сравнительно-этнографических или эволютивных групп, зачатки которых уже намечались в некоторых музеях. Сказанное пока я резюмирую в кратком тезисе: *этнография есть прежде всего народоведение.*

Весьма различно понимается многими положение этнографии в ряду других наук, и вопрос об отношении этнографии к другим наукам также возбуждает самые непримиримые разногласия. Науками, с которыми этнография приходит в наиболее тесное общение, являются: антропология, археология²⁵, сравнительное языкознание, социология, история и география. Я не имею, конечно, в виду дать здесь пересмотр всех взглядов на этот вопрос, так как это могло бы завести нас слишком далеко от основной цели, и мне хочется сказать лишь самое важное для моей главной темы, касающейся предмета и задач этнографии. Некоторые

²⁴ W. Wundt. Volkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. Bd. I, Th. I и II; Bd. II, Th. I-III. Leipzig, 1904-1906. См. Также: Ch. Letourneau. La psychologie ethnique. Paris, 1901.

²⁵ Археология, как наука о древностях, по существу, не является, в строгом смысле слова, отдельной научной дисциплиной. Некоторые и называют ее иначе палеоэтнологией или доисторической антропологией, ибо тогда она приобретает объект изучения конкретный, а не случайный.

ученые склонны придавать всеобъемлющее значение социологии, которая должна явиться синтезом всех наук о человеке, представлять собой общую, всеобъемлющую науку о культуре и цивилизации. О крайности такого взгляда едва ли приходится спорить. Этнограф не может, конечно, обойтись без наследования фактов общественной жизни, например изучения строя семьи, рода, более крупных общественных организаций, общественных охот и т.п., и в этом смысле он также является социологом. Все это не лишает социологию права на существование в качестве особой, самостоятельной научной дисциплины, имеющей целью установить законы возникновения и развития человеческих коллективов, малых и больших. Другие стремятся во что бы то ни стало признать полную самостоятельность этнографии, как науки, и возражают против отнесения ее к группе антропологических наук. Л.Я. Штернберг пишет: «Антропология, в которую этнография раньше входила как основная отрасль, обособляется в естественно-историческую дисциплину... От нее этнография берет, как готовые выводы, классификацию рас и этнических групп и вообще все то, что характеризует человека в биологическом и антропогеографическом отношении». Ф.К. Волков, ныне читающий лекции по этнографии в Петроградском Университете, его предшественники на этой кафедре Д.А. Коропчевский и проф. Э.Ю. Петри, следуя за школой Брока во Франции, Вайца в Германии и Тайлора в Англии, включают этнографию в цикл антропологических наук²⁶. Защитники этого взгляда приводят такой аргумент: изучение образа жизни животных нельзя оторвать от зоологической науки, оставив ей эмбриологию, общую морфологию и классификацию и сравнительную анатомию. Для противников этот аргумент не является убедительным. Не придавая решающего значения авторитету ученого имени, я приведу еще слова первого председателя нашего Отделения К.Э. фон-Бэра из его лекций в Кенигсберге в 20-х годах прошлого века: «Для совокупности всего того, что мы знаем о человеке, нельзя было найти более подходящего имени, чем антропология, так как это слово по своему значению охватывает всю жизнь человека»²⁷. Трудно найти более простые и ясные слова.

Из сказанного я позволяю себе вывести тезис: этнография, оставаясь самостоятельной наукой, входит в систему антропологических знаний.

Спешу, однако, сделать важную оговорку. Я не думаю этим сказать, что в области этнографии можно оперировать лишь методами естествознания, а, следовательно, не-натуралисты, филологи, лингвисты,

²⁶ R. Martin. System der Anthropologie und anthropologische Bibliographie. Korrespondenzbl. d. Deutsch. Anthropolog. Gesellsch. XXXVIII Jahrg., 1907. Nr. 9/12. См. также: C. St. Wake. The Aim and Scope of Anthropology. Journal of Anthropology, 1870-71, p. 1.

²⁷ K.E. von-Baer. Vorlesungen uber Anthropologie. Konigsberg. 1824. B. I, S. 5.

историки, как оглашенные, уйдите из храма этнографической науки. Заслуги таких не-натуралистов, как историк культуры Клемм²⁸, лингвисты: Ф. Мюллер²⁹ и М. Мюллер³⁰, В. Томсен³¹, Кастрен³², В. Миллер³³, археолог Томсен³⁴, таких исследователей, как Морган³⁵, Мак-Леннан³⁶, Бахофен³⁷, Фрэзер³⁸, Марилье³⁹, Ланг⁴⁰ и многие другие, столь велики, так общеизвестны и оказали такое влияние на развитие этнографии, что одних этих имен уже достаточно, чтобы мысль о желательности и необходимости участия исследователей не-натуралистов в области этнографии нуждалась еще в доказательствах. Не надо забывать, однако, и того, чем была бы этнография в широком, философском смысле без разрушенного руками натуралистов антропоцентризма, бея Линнея, Бюффона, Ламарка и Дарвина. Ныне мы уже говорили о широте понятия ἔθνος. На это широкое поле исследования в силу естественных причин пришли и натуралисты, и лингвисты, и историки. Соединенными усилиями, работая каждый своим орудием и специальным знанием, они раскрывают последовательно одну за другою научные истины и тем прокладывают пути новому сознанию человечества. В этом отношении этнография разделяет судьбу близкой ей доисторической археологии или доисторической антропологии. На арену исследования доисторического человека явились в свое время геологи, поднимаясь из тьмы геологических времен к нашей современности, и историки, уходя все дальше от этой современности в полное тайн отдаленное прошлое.

Лишь после утверждения истин, доказанных трудами археолога Томсена и геолога Буше-де-Перта⁴¹, возможно было появление системы Мортилье⁴², Софуса Миллера, О. Монтелиуса и др. Образчик объединения людей самых разнообразных специальностей на общей почве антропологии, как науки, касающейся всех вопросов о человеке во всем их

²⁸ Klemm. Allgemeine Kulturgeschichte der Menschheit. B. I-X. 1843-52.

²⁹ F. Muller. Allgemeine Ethnographie, 1873.

³⁰ M. Muller. Essays on Comparative Mythologie.

³¹ W. Thomsen. The relations between ancient Russia and Scandinavia and the origin of the Russian Slate. London. 1887.

³² A. Castren. Ethnologische Vorlesungen uber die altaischen Volker. St. Petersburg. 1857.

³³ В.Ф. Миллер. Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой, 1876. Москва. Его же. Осетинские этюды. Москва, ч. I-III, 1881, 82. 87.

³⁴ Thomsen. Ledetrang til Nordisk Oldkindighed, 1836.

³⁵ L. Morgan. Systems of consanguinity and affinity in the human family.

³⁶ Mac-Lennan. Primitive marriage. 1865.

³⁷ Bachofen. Das Mutterrecht. Stuttgart, 1861.

³⁸ Frazer I.G. Totemism. 1887.

³⁹ L. Marillier. La place du totemisme dans l'evolution religieuse. Rev. de l'histoire des religions. 1897-98.

⁴⁰ A. Lang. Modern Mythology. London, 1897.

⁴¹ Boucher de Perthes. Antiquites celtique et antediluviennes, 1847.

⁴² G. de-Mortillet. Le prehistorique. 1883.

объеме и разнообразии, может служить нам Парижское Антропологическое Общество. На общем объекте исканий оно объединило и анатомов, и физиологов, и демографов, и археологов, и лингвистов, и историков, и даже ученых зоотехников, ибо они могут быть полезны для антропологов в качестве компетентных судей в вопросах наследственности, гибридизма и т.п. Зато и результаты получаются весьма конкретные, ибо в пределах Общества вырабатываются такие ученые специалисты, как L. Manouvrier (антрополог). A. de-Mortillet (этнограф). G. Nerve (этнолог) и др. Такого сотрудничества различных специалистов на почве русской этнографической науки можно только пожелать Этнографическому Отделению Императорского Русского Географического Общества.

Представим себе идеальный случай. Нам нужно описать и исследовать никому доселе неизвестный, вновь открытый народ. Никого в наше время не удовлетворило бы простое описание внешних физических, антропологических признаков, как это практиковалось прежде этнографами и путешественниками. Необходим, полный, определенный, систематический анализ всех соматологических признаков, который немислим без метода, данного современной антропологией, и выводы о принадлежности данного народа к той или иной расе или ее разновидности могут быть сделаны только антропологом. Только изучение языка лингвистами установит, нам принадлежность народа к той или иной лингвистической группе, и в результате лингвистических исследований мы получим указание на то, где нужно искать исторических, культурных, связей народа, и только лишь знание языка откроет нам путь к изучению духовного быта, народной психологии, творчества и т.п. Возможно, что эти две стороны исследования дадут даже как бы противоречивые результаты: народ, в силу исторических переживаний может усвоить язык аллофильной группы. Вопросу о лингвистическом признаке в антропологии П. Брока посвятил в свое время весьма содержательный мемуар⁴³, а с того времени мы имели достаточно доказательств, хотя бы на примере трудов Кастрена, что может дать лингвистический анализ в разрешении этнологических проблем. Для этнографа, во всяком случае, тот факт, что болгары по языку и духовной культуре, принадлежат к славянскому группе, будет гораздо важнее, чем их принадлежность по физическому типу к иной, аллофильной группе.

Дальше исследователь должен научить быт народа: материальную культуру и духовную, по существу неотделимые друг от друга, так как и в материальных объектах выражена лишь переданная по наследству сумма знаний ряда поколений, сумма произведенной ими умственной работы.

⁴³ P. Broca. La linguistique et l'anthropologie. Bull de la Soc. d'Anthrop. de Paris. t. III, 1862; p. 264-319.

Это исследование даст важные указания не только на культурную ступень и уровень, на которых мы находим данным народ, но, глубоко проведенное, оно, наверное, подтвердит многое из выводов антропологов и лингвистов. Инвентарь домашнего обихода, названия отдельных предметов, способ их утилизации, изучение преданий, сказок, мифологии, религиозного мировоззрения могут раскрыть нам ценнейшие данные об его племенном родстве, пережитых судьбах, миграции и т.п. Только тогда, когда будет проделана вся эта сложная работа разными специалистами, с применением разных методов, мы получим в результате этнографическую монографию данного народа. За такой характер монографической обработки этнографического материала у нас в России, как мы выше упоминали, высказывался весьма ясно и определенно проф. Д.Н. Анучин⁴⁴ уже более 25 лет тому назад. Выше мы уже говорили о том, что исследование народности не может ограничиться одной лишь описательной частью. Изъяснение, истолкование явлений, их анализ совершенно неизбежны при этом, иначе работа не будет этнографическим, т.е. научным, исследованием, а будет представлять лишь сырой этнографический материал, который будет нуждаться в научной обработке и изъяснении значения и смысла наблюдаемых явлений и фактов. Об этом говорить также и Д.И. Анучин, но все же аналитические работы он ставит особо от работ монографических. Выше мы приводили определение задач этнологии и этнографии Ф.К. Волкова. Первая категория – работы монографические Д.Н. Анучина – соответствуют его определению задач этнологии, вторые – аналитические – задачам этнографии. Ф.К. Волков затрагивает этот вопрос лишь попутно, определяя содержание и задачи антропологии и не вдаваясь в дальнейший анализ понятий «этнография» и «этнология». Нам кажется, что обе категории сливаются в одно целое общим предметом исследования, общим материалом и общим, по существу, методом исследования и что на русской почве, в силу исторической привычки, возможно и желательно отказаться от термина «этнология» для обозначения всего комплекса знаний о народе.

Сказанного выше, нам кажется, вполне достаточно, чтобы вывести и формулу, определяющую наше понимание того, что такое представляет собою этнография, как наука, каковы ее предмет и задачи.

Этнография есть народоведение. Ее задача – изучить развитие интеллектуальных и духовных сил человеческого рода, которое, под влиянием расовых особенностей, географической среды и исторических условий, своеобразно протекало в различных группах, представляющих народы земного шара, и нашло свое выражение в особенностях материального и духовного уклада их жизни.

Невозможно было бы представить себе в настоящее время

⁴⁴ Д.Н. Анучин, о.с., стр. 25 и 26.

этнографа, который считал бы возможным трактовать вопросы человеческой культуры вне условий среды, т.е. географических условий. Ведь очевидно без всяких доказательств, что без меховой одежды, знакомства с огнем для отапливания жилья, жировой лампы для освещения полярной ночи Якутская область была бы необитаемой человеком; что возможность обходиться без одежды, как культурной необходимости, ограничена низменностями тропического пояса; что пища народов приполярных должна существенно отличаться от пищи народов тропических и подтропических зон. Между тем, у многих географов нашего времени существует стремление обрабатывать факты и данные этнографии на географической почве, польза чего никогда этнографами и не могла быть отрицаема, и создать из фактов географического распределения рас, народов и наблюдаемых у них явлений культурной жизни особую, независимую науку под названием антропогеографии, как ее окрестил покойный лейпцигский профессор Ф. Ратцель⁴⁵. Тема эта слишком обширна, чтобы ее можно было трактовать здесь во всем объеме, но мы позволим себе предостеречь этнографов и антропологов от слишком большого увлечения идеей антропогеографии, как новой отрасли географической и антропологической науки, следы которого уже дают себя чувствовать в новейшей этнографической литературе. Нам кажется, что антропогеография мало пока расширила идейный круг как географии, так и антропологии. В знаменитом трактате К. Риттера: *Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen, oder eine allgemeine vergleichende Geographie*⁴⁶, в идеях И. Коля⁴⁷ и Ф. Каппа⁴⁸ мы видим, по существу, весь идейный багаж Ф. Ратцеля; мы бы сказали даже, что термин Каппа *Kulturgeographie*, пожалуй, можно признать более удачным, ибо антропологи давно доказали ошибочность так называемого закона Причарда⁴⁹ и показали, что одинаковые по расовому происхождению народы могут обитать в весьма разных географических и климатических зонах, что и является вполне понятным, ибо в культуре и ее росте человек создал силу, давшую ему возможности значительно увеличить амплитуду своих миграционных волн. Конечно, объем наших географических знаний и этнографических исследований с 40-х годов до времени, когда работал Ф. Ратцель, не только во много раз возрос количественно, но и значительно повысился в качественном отношении, а потому идеи К. Риттера можно было пополнить значительным фактическим содержанием.

⁴⁵ F. Ratzel. *Anthropogeographie etc.* Bd. I и II. Stuttgart. 1882. – Его же: *Die geographische Methode in der Ethnographie.* Geogr. Zeitschrift. 1896.

⁴⁶ K. Ritter. *Die Erdkunde etc.* Bd. I и II, Berlin. 1817.

⁴⁷ I. Kohl. *Der Verkehr und die Ansiedelung der Menschheit etc.*, Leipzig, 1841.

⁴⁸ F. Kapp. *Philosophische o. vergleichende allgemeine Erdkunde etc.*, Braunschweig, 1845.

⁴⁹ Prichard I. *Natural history of Man.* London 1813 и 1845. Его же: *Researches into the physical history of Mankind.* London, Vol. I, 1851.

И наука несомненно обязана весьма многим плодотворной деятельности Ф. Ратцеля⁵⁰, но мы сочли существенным предостеречь от крайностей, которые находим, например в новейших работах В. Ankermann'a⁵¹, Я. Чекановского⁵² и др., доводящих метод картографический и статистический в исследовании всех явлений быта до голых сопоставлений и чисто математического анализа, безотносительно к их органической связи⁵³.

Здесь же нужно еще упомянуть о тенденции некоторых немецких этнографов ввести в обиход новый термин, трудно передаваемый по-русски – именно *Volkskunde* – для обозначения частного этнографического исследования определенного народа. Трудно найти логическое основание для выделения частного исследования в особую научную категорию, ибо для нее мы не можем найти ни иного метода, ни особого объекта исследования; к тому же на русской почве не может быть и того этимологического соблазна, который происходит у немцев от сопоставления слов *Volkerkunde* и *Volkskunde*⁵⁴.

Наконец, еще несколько слов о материале, который в последнее время принято обозначать наименованием фольклор. Естественное расширение области исследования этнографии привело к обширному накоплению материалов, касающихся народной словесности: сказок, преданий, песен исторических и обрядовых, частушек, заговоров, поговорок, народно-медицинских сведений и разного рода юмористических рассказов, специфических анекдотов для забавы во время посиделок и пирушек молодежи и т.п. Сам по себе материал этот весьма интересен и, несомненно, в разработанном виде может быть весьма полезен и пригоден для этнографа, но в сыром, необработанном виде так обширен и громоздок, что европейская практика давно выделила его из области этнографии под общим названием фольклор. Нам представляется весьма желательным и у нас в России последовать этому примеру и, как это советовал уже 25 лет тому назад Д.Н. Анучин, выносить этот материал в особые приложения, а не загромождать им наши этнографические журналы и издания, тем более что на практике изданий Императорской Академии Наук это уже и вошло фактически в обиход. Это удовлетворило бы и требованию строгой научной классификации и практическому

⁵⁰ Б.Ф. Адлер. Фридрих Ратцель. «Землеведение», 1904, кн. III, стр. 42-57.

⁵¹ В. Ankermann. Kulturkreise und Kulturschichten in Africa. Zeitschr. f. Ethnologie. Bd. XXXVII. 1905.

⁵² J. Czekanowsky. Objektive Kriterien in der Ethnologie. Korrespondenzbl. d. Deutsch. Ges. f. Anthr. Ethn. u. Urg. № 8-12. 1911.

⁵³ См. также возражения В.Ф. Миллера и Л.Я. Штернберга на статью Чекановского. Известия ИРГО. Т. XLVII, стр. 67—77. 1911.

⁵⁴ Kaindl R.F. Die Volkskunde. Ihre Bedeutung, ihre Ziele und ihre Methode. Leipzig u. Wien. 1903.

удобству пользования материалом.

Какие же общие выводы получатся в итоге этого, по необходимости, краткого, почти конспективного изложения затронутых мною вопросов? к какому эти выводы приводят заключению? Первым выводом, который нам кажется весьма существенным, является следующий: последние десятилетия в области этнографической науки не внесли нового идейного материала ни с точки зрения определения содержания этой науки, ни со стороны методологии⁵⁵. Этнография – прочно сложившаяся, специальная научная дисциплина и не переживает того кризиса, какой намечается, по-видимому, например, в географии. Второй вывод: разногласия ученых деятелей науки сводятся с одной стороны к вопросу чисто формального свойства, не совсем, однако, с нашей точки зрения, безразличного, с другой – к порядку утилизации этнографического материала, находящегося в связи с вышеупомянутым вопросом об определении науки, который не влияет, однако, на основной характер этнографического исследования с методологической точки зрения.

Уже давно, более полувека тому назад подача этнографического обследования нашего обширного отечества была не только признана с точки зрения ее важности, но и поставлена как научная проблема первой очереди. «Если бы, – говорил К.Э. фон-Бэр в заседании Отделения Этнографии 6-го марта 1846 г., – богатый человек, желая оставить прочный памятник своей любви к наукам к России, спросил меня, что ему сделать для этого, я отвечал бы: доставьте возможность исследованием России в течение нескольких лет составить полное этнографическое описание нынешнего населения ее и дайте средства издать подобное описание» Бэр думал, что этим богачом явится Географическое Общество. «Посему я советовал бы, – продолжает он, – употребить немедленно средства, коими Общество располагает, если не исключительно, то, по крайней мере, преимущественно на этнографические исследования России, если бы только для этого не нужно было продолжительное приготовление. Но приготовление необходимо. Мы должны сделаться вообще более способными для этнографических работ и найти людей, кои исключительно посвятили бы себя этому роду занятий».

Оглядываясь на пройденный путь, на достигнутые результаты, на современное положение этнографии, поскольку оно выражается в деятельности Обществ, имеющих Отделения Этнографии, в деятельности Музеев столичных и провинциальных, в текущей литературе по вопросам этнографии, можем ли мы, подведя итоги сделанному, испытать чувство удовлетворения? Мне думается, что я выражу общее настроение, если на

⁵⁵ Dr. O. Siebert. Ueber die verschiedenen Methoden der anthropologischen Forschung. Naturwissensch. Wochenschr. № 43, XV, S. 507-510. См. также: P.W. Schmidt. Die moderne Ethnologie. 1906. Anthropos, Bd. I.

поставленный вопрос ответу: к сожалению, нет. Я знаю, что одним перечнем того, что за это время сделано, можно было бы утомить ваше внимание, и что, оценивая количество добытых, нередко весьма ценных, материалов, можно было бы получить впечатление, будто их собрано множество; я знаю также, что немало можно назвать работ по этнографии, имеющих вес серьезных научных исследований. Но если мы окинем взором безбрежное море той работы, которая еще предстоит впереди, которая еще едва только начата, то сделанное до сих пор покажется нам, буквально, каплей в море. В особенности грустное чувство охватывает нас при мысли о том, чего у нас не хватает в сделанной работе, где наши основные пробелы и нехватки. Да, у нас есть монографические исследования о чукчах⁵⁶, коряках⁵⁷, населяющих пределы обитаемой земли, но напечатаны они на английском языке, изданы в Америке и на американская средства, и, хотя написаны они русскими этнографами, но этнографами поневоле и по капризу случайных обстоятельств нашей истории. То же, что о трудах В.Г. Богораза и В.И. Иохельсона, нужно сказать о большинстве работ Д.А. Клеменца, Э.К. Пекарского, В.Л. Серошевского, Л.Я. Штернберга и многих других. Имеем ли мы, однако, хотя бы небольшие, монографического характера, исследование о великороссах, малороссах⁵⁸ или белорусах? Много ли появилось, по терминологии Д.Н. Анучина, «аналитических» исследований о какой-либо стороне быта русского народа, за исключением, конечно, работ об языке, ибо эти последние стоят особняком и не могут быть поставлены на актив этнографам? Сырых материалов по быту русского народа, правда, накапливается все больше и больше, но разработка их движется весьма медленными шагами.

Где же лежит причина того, что давно уже признанная, всеми признанная важной работа, даже планы которой и пути давно разработаны и указаны, подвигается вперед не тем темпом, который был бы весьма желателен, в виду также более 50 лет повторяемого и всем известного положения, что с этой работой надо спешить, ибо новые формы жизни быстро стирают и уничтожают следы старины во всех областях быта?

Еще в 40-х годах – Бэр, в 80-х годах – А.Н. Пыпин и Д.Н. Анучин писали, как мы видели выше, о необходимости предварительной научной подготовка этнографов. Где же получают подготовку русские этнографы? Я едва ли ошибусь, если скажу, что главным, основным, источником подготовки русских этнографов является самодеятельность, ибо

⁵⁶ W. Bogoras. The Chukchee. I. Material culture. New-York. 1904.

⁵⁷ W. Jochelson. The Koryak. I. Religion and Myths. New-York. 1905.

⁵⁸ Считаю долгом упомянуть здесь, что Ф.К. Волковым закончен печатанием значительный труд под заглавием: «Этнографические особенности украинского народа», носящий характер этнографической монографии, но труд этот в свет пока не вышел и знаком мне лишь по корректурному экземпляру.

систематической школы этнографии, – этнографии, как предмета школьной науки, – у нас еще нет. И в этом лежит, мне думается, одна из наиболее важных причин, почему работа у русских этнографов не спорится и исследование быта русского народа идет далеко непропорционально сего исторической ролью и значением.

Одной из мер, которыми можно было бы содействовать более успешному и более быстрому ходу работ в этой области, могло бы быть учреждение в русских университетах трех особых кафедр: антропологии и этнографии на естественном факультете и кафедры истории культуры на историко-филологическом. Я предложил бы Отделению возбудить перед Советом Императорского Русского географического общества вопрос о том, не найдет ли он желательным и своевременным представить от имени Общества мотивированное ходатайство г. Министру Народного Просвещения об учреждении в наших университетах трех новых кафедр: антропологии, этнографии и истории культуры.

При этом условии, мы уверены, создастся кадр научных работников, которые исключительно посвятят себя этому роду занятий, и грандиозная культурная задача этнографического исследования великой России будет поставлена на должную высоту.

Н. Могилянский.

Декабрь 1915 года.
Петроград.

Предмет и задачи этнографии / Н.М. Могилянский // Живая старина. 1916. Вып. I. С. 1-22.

Из журнала заседания Отделения Этнографии ИРГО.
4 марта 1916 года

Действительный член Н.М. Могилянский сделал сообщение на тему: «Предмет и задачи этнографии» по следующей программе:

1. Краткий обзор вопроса о задачах этнографии, главным образом в пределах деятельности Этнографического Отделения Императорского Русского географического общества.
2. Термин «этнография» в современной, русской и иностранной, научной литературе.
3. Термин «этнография» должен быть сохранен, как исторический.
4. Этнография не должна превращаться в историю культуры.
5. Народ – *ἔθνος* – должен лежать в основе этнографических исследований. Этнография есть народоведение.
6. Оставаясь самостоятельной наукой, этнография входит в состав антропологических знаний.
7. Необходимость сотрудничества в области этнографии натуралистов, лингвистов и историков.
8. Определение этнографии, как науки.
9. Современное положение этнографических исследований в России.
10. Заключение и пожелания.

После прочтения доклада были заслушаны замечания и возражения В.П. Семенова-Тян-Шанского, В.И. Иохельсона и Л.Я. Штернберга.

В.П. Семенов-Тян-Шанский, главным образом, остановился на вопросе об основных современных задачах Отделений Этнографии и Статистики Императорского Русского географического общества:

«Как известно, Императорское Русское географическое общество основалось в 1845 г. в составе Отделений: 1) Географии Общей; 2) Географии России (согласно делению географии на общую и специальную, предложенному германским ученым XVII века Бернгардом Варением); 3) Этнографии и 4) Статистики, причем через 5 лет, к 1850 году первые оба Отделения были преобразованы в Отделения Географии Физической и Географии Математической, согласно принятому с XVIII века делению географии на натуральную и астрономическую, а последние два остались без изменения, вмещая в себе все то, что с XVIII века было известно под именем «географии исторической».

Как раз в год основания нашего Общества вышло в свет знаменитое философско-географическое сочинение Гумбольдта «Космос». Еще в 1817-18 гг. появилось широко-географическое произведение современника Гумбольдта – Риттера: «Землеведение в отношении природы и истории человека» и уже в 1821 г. основалось первое в свете географическое общество в тогдашнем центре мировой цивилизации – Париже, в 1828 г. –

общество земледения в Берлине, в 1830 г. – географическое общество в Лондоне, в 1844 г. – в Эдинбурге.

Еще в XVIII веке наш великий Ломоносов, одновременно с учителями Риттера – Гердером и Тоблером, высказывал немало замечательных мыслей о географической науке, а в 1829 году Гоголь, столь чуткий к вопросам цивилизации, философии и истории и вместе с тем гениальный художник быта, написал свои знаменательные слова о географической науке. Дав чрезвычайно выпуклое и цельное определение ее, он между прочим сказал: «Произведения искусства вообще являются доселе у географов отрывисто. Перехода нет никакого от природы к произведениям человека. Они отрублены, как топором, от своего источника. Я уже не говорю о том, что у них не представлен вовсе этот брачный союз человека с природою, от которого рождается мануфактурность. Итак, прежде чем слушатель приступит к обозрению мануфактур и произведений рук человека, нужно, чтоб он был приготовлен к тому произведениями земли, чтоб он сам собою мог вывести, какие мануфактуры должны быть в таком-то государстве, если же встретится исключение, тогда необходимо показать, отчего оно произошло: может быть, беспечный характер народа, может, сторонние обстоятельства, или излишнее богатство соседей, или невозможность дальнейших сообщений, или другие подобные им препятствовали. Приготовивши себя мануфактурностью, он, может уже переходить к торговле, которая без того будет тоже незанимательна и непонятна. При исчислении народов необходимо показать каждого физиогномию и те отпечатки, которые принял его характер, так сказать, от географических причин. Все народы мира должно сгруппировать в большие семейства и представить прежде всего общие черты каждой группы, потом уже разветвление их. И потом физическую их историю, т.е. историю изменения их характера, чтоб объяснить, отчего, например, тевтонское племя среди своей Германии означено твердостью флегматического характера, и отчего оно, перейдя Альпы, напротив, принимает всю игривость характера легкого» (Полн. собр. соч. Н.В. Гоголя, изд. 1884 г., т. IV, стр. 202).

Это было провозглашено за 15 лет до рождения Ратцеля и за 53 года до появления знаменитой его «Антропогеографии».

Я привел историческую справку нарочно, чтобы показать, при каком именно общеевропейском течении научной мысли не случайно, а столь логически возникли главные географические общества и в том числе наше. Этнография тогда сама собою понималась основателями Общества шире, чем теперь, именно в смысле антропогеографии, точно так же как статистика – в смысле именно экономической географии, хотя самых этих терминов еще не существовало. В связи с этим первым председателем Отделения Этнографии был эмбриолог, зоолог и путешественник Бэр,

автор знаменитого физико-географического закона о реках, а первыми председателями Отделения Статистики были Кеппен, разработавший антропогеографию русского населения на основании 9-й ревизии, и Заблоцкий-Десятовский, инициатор географического словаря и экономист.

При малой исследованности России в то время пришлось надолго заняться накапливанием основных чисто описательных материалов, т.е. прежде всего именно строгой этнографией, как необходимой составной, фундаментальной частью для более высокого синтеза – антропогеографии, и статистикой, как основой для синтеза экономической географии. За то же время все вообще научные дисциплины успели значительно уточниться и разбиться на целые ряды более или менее самостоятельных наук, как, например, бактериология, педология и пр. Понятно, что все синтетические по своей природе науки, и в первую голову среди них география, от этого сильно пострадали. Прежде всего затуманилось в умах большинства ученых дотоле столь ясное и строгое представление о том, что в сущности представляют собою эти синтетические науки и где их границы; пошло многочисленное искание точного их определения, с неизменными уклонениями в сторону, преувеличениями, преуменьшениями и пр. Вместо логической стройности, в географии, как и во многих других подобных ей науках, пошла разброд и беспрестанные шатания и уклонения из ее сферы, большею частью бессознательные, чему помогало слишком специальное и одностороннее общее образование. Не избегли их и Отделения нашего Общества. В частности Отделение Этнографии, за редкими, немногими блестящими исключениями в роде сочинений покойного своего председателя В.И. Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» или «Программы Этнографического Отдела Русского Музея Императора Александра III», либо останавливалось на прежнем чистом накоплении описательных этнографических материалов, либо явно уклонялось в сторону других молодых наук – антропологии, этнологии, социологии, лингвистики, музыкальной эстетики и пр. и менее всего в область истории, как науки старой, обладающей своими строгими и ясными методами. Антропогеография, т.е. наука о соотношениях территориальных условий с жизнью человека, – основная цель Отделения, – была в общем почти забыта. Отделение Статистики занималось либо накапливанием цифровых материалов, либо уклонялось в сторону вопросов теоретической или практической статистики, или политической экономии, и опять-таки основная цель Отделения – экономическая география – была почти забыта. Немногие блестящие исключения составляли труды покойного П.П. Семенова-Тян-Шанского «Значение России в колонизации европейских народов», «Характерные выводы из первой всенародной переписи» и покойного А.И. Воейкова «Будет ли Тихий океан главным торговым путем земного шара», «Распределение населения земли в зависимости от природных условий и деятельности

человека» и др. Замечательно, что ни в одном из вышеупомянутых шести антропогеографических, экономогеографических и политикогеографических трудов, составляющих истинную гордость русской географической науки, не было никаких следов инициативы или влияния Отделения Этнографии и Статистики. В то же время такой основной антропогеографический и экономогеографический источник, как подробная карта густоты населения России по естественным территориальным группам, т.е. по бассейнам рек, водоразделам и пр., на основании материалов переписи 1897 г., имеющихся в архиве нашего Общества, так и остался до сих пор невыполненным, тогда как вопрос об этом был поднят своевременно. Не говорю уже о не разработке по тому же материалу географии человеческих жилищ и пр. А между тем я живо помню тот искренний интерес, который возбудила среди членов нашего Общества сделанная мною несколько лет тому назад маленькая попытка дать самую общую географическую схему распределения жилых построек в одних только городских поселениях. Отделение Физической Географии копило тоже массу описательных географических материалов, составляющих необходимый основной источник для физической географии, но отнюдь не ее конечную цель, и тоже иногда слишком уклонялось в сторону теоретических вопросов молодых наук – чистой геологии, ботаники, зоологии и метеорологии; хотя, вследствие сохранения за ним названия физической географии, оно в общем все же невольно ближе держалось к широким синтетическим, истинно географическим задачам и потому заслужило у многих название основного Отделения нашего Общества. Еще ближе было к своим основным задачам Отделение Математической Географии по той причине, что все, соприкасающееся так или иначе с математикой, требует особой точности и меньше всего допускает какие-либо отклонения в сторону.

Какой же вывод из всего этого? А тот, что Отделение Этнографии не следовало ли бы переименовать в Отделение Антропогеографии, сосредоточив все чисто антропологические вопросы преимущественно в антропологических обществах при здешнем Университете и Военно-Медицинской Академии и придав к одному из них специальное Этнографическое Общество, филологические вопросы – в филологических обществах, Отделение же Статистики переименовать в Отделение Экономической Географии, сосредоточив чисто статистические вопросы в особом Статистическом Обществе, политико-экономические – в Вольном Экономическом Обществе и т.д. Если же это сопряжено со сложными хлопотами по изменению устава, то по крайней мере следовало бы твердо закрепить навсегда за первым Отделением неотступное преимущественное занятие антропогеографией с этнографией только как служебной к нему ветвью, а за вторым – занятие экономической географией со статистикой в качестве вспомогательная пособия. Соединенные же заседания обоих

Отделений в таком случае могли бы быть посвящены всецело политической географии, как высшему географическому синтезу.

Моя основная мысль та, что наше Общество – географическое и потому обязано заботиться о том, чтобы во всех его Отделениях на первом месте стояла география и остальные примыкающие к ней научные дисциплины играли только служебную, а не самодовлеющую роль.

После войны, в виду крайне обострившейся международной конкуренции и новых комбинаций во внешней политике, Россия особенно будет нуждаться в не случайном, строго планомерном развитии всех тех научных отраслей, которые ведут к познанию самого себя, своих сил и возможностей. Поэтому весьма важное практическое значение приобретут у нас как раз антропогеография, экономическая и политическая география; об них следует серьезно позаботиться. Занятая Отделений Этнографии и Статистики антропогеографией, экономической и политической географией несомненно сблизят оба эти Отделения, по характеру деятельности, как между собой, так и с Отделением Физической Географии и тем самым внесут большую цельность и стройность во всю деятельность нашего Географического Общества.

Знаю заранее, что со мною многие не согласятся. Но интересы истинной географической науки ничего иного мне не могут подсказать, кроме того, что только что мною выражено. Высказывая это, я убежден, что следую заветам трех только что упомянутых великих деятелей нашего Общества, родившихся как раз в эпоху основания главнейших географических обществ Европы, к которым, скромно занимаясь географией в течение десятков лет, я волею судеб был близок при их жизни.

В единении сила.

Что касается предложения Н.М. Могиланского относительно необходимости учреждения в университетах кафедр этнографии, антропологии и истории культур, то к этому можно только присоединиться. Но мне кажется, что этого мало. Следовало бы возбудить ходатайство в учреждении географических факультетов при университетах. На них упомянутые науки и нашли бы свое настоящее место».

В.И. Иохельсон сказал следующее:

«Доклад Н.М. касается этнографии, как науки. По своему положению заведующего наиболее значительным после музея Академии Наук, русским этнографическим музеем, Н.М., так сказать, *ex officio* является авторитетом в затронутой им области. Я выслушал с интересом этот доклад, который является суггестивным во многих Отношениях.

Но со многими положениями докладчика я не могу согласиться. В пределах прений одного заседания трудно подвергнуть рассмотрению все разногласия. Я ограничусь теперь только некоторыми замечаниями,

касающимися тех или других тезисов и терминологии докладчика.

Прежде всего я позволю себе сказать несколько слов об антропологии в целом, как теперь ее понимают английские, американские и также немецкие антропологи, т.е. как о науке о человеке вообще (по немец. *Menschenkunde*), – науке, заключающей в себе три отдельные дисциплины: 1) физическую или соматологическую антропологию; 2) этнографию (или точнее этнологию) и 3) доисторическую археологию.

Докладчик тоже согласен с тем, что «этнография входит в систему антропологических знаний».

Физическая антропология – дисциплина естественно-историческая. Она рассматривает отношение человека, как зоологического вида, к животному царству и расовые особенности (анатомические и физиологические) внутри вида.

Этнография (я пока дам определение, которое можно считать бесспорным) – дисциплина историко-гуманитарная. Она изучает духовную, умственную и семейно-социальную жизнь народов. Под умственной жизнью я подразумеваю также материальную культуру, так как техника и изобретения являются продуктом деятельности человеческого ума.

Доисторическая археология является отдельной научной дисциплиной не по своим окончательным задачам, а по своим методам исследования. Я говорю доисторическая археология, а не археология или наука о древностях вообще, как сказал докладчик, потому, что изучение классических древностей и искусства, нумизматики, дипломатики, геральдики и т.д. входит или в историю или в историю культуры, а не в этнографию.

Доисторическая археология оперирует двумя категориями данных: остатками доисторического человека (череп и скелеты) и остатками его деятельности (орудия, украшения, остатки индустрии, жилищ, пищи и способов погребения). Одна категория данных относится к физической антропологии, другая – к этнографии. Одной стороной доисторическая археология является дисциплиной естественно-исторической, другой – историко-гуманитарной. Естественно-исторической дисциплиной доисторическая археология впрочем является еще по своей связи с геологией и палеонтологией.

По своим приемам, методам исследования и терминологии доисторическая археология является самостоятельной и цельной научной дисциплиной. Это – молодая наука: основание ей положили датские археологи только в середине прошлого столетия. Но из всех отделов науки о человеке доисторическая археология представляет собой, по своему внутреннему содержанию, общепризнанным методам и терминологии, вполне определившуюся научную дисциплину. О физической антропологии это можно сказать с значительными оговорками, и вовсе

этого нельзя сказать об этнографии. В понимании содержания, задач и пределов этнографии еще отсутствовало единство.

Я коснусь теперь наиболее существенных выводов докладчика: 1) этнография не есть социология; 2) она – не история культуры; 3) этнография есть народоведение; 4) этнография, а не этнология.

Поскольку этнография касается социальных явлений, она обнимает и социологию. Это не значит, что социология – не самостоятельная дисциплина. Как таковая, она занимается общей эволюцией человеческого общества, а этнография изучает социологию отдельных народов в связи с общей эволюцией.

Этнографию отождествлял с историей культуры покойный немецкий этнолог Эренрейх, но его мнение не получило признания. Конечно, этнография не есть история культуры, но не потому, что этнография ею не занимается, а потому, что общая история культуры касается как цивилизованных, так и первобытных народов (история культуры есть, так сказать, синтез истории и этнографии), а этнография изучает культуру (т.е. умственную, духовную и социальную жизнь) нецивилизованных и доисторических племен. Таким образом можно сказать, что этнография есть история первобытной культуры. Л.Я. Штернберг, судя по цитате из его статьи, приведенной докладчиком, что «этнография – наука, занимающаяся изучением культуры народов, не входящих в круг ведения истории и доисторической археологии», по-видимому, согласен с вышеприведенным мной определением, не относя однако культурных данных доисторической археологии к этнографии.

Сказать, что этнография есть народоведение, значит объяснить один спорный термин другим. Что такое народоведение? изучение народов или народа? У нас этот термин появился сравнительно недавно, как перевод немецкого *Volkerkunde*, т.е. изучение народов. У немецких писателей *Volkerkunde*, является синонимным, германизированным термином *Ethnologie*. С другой стороны, у нас «народоведение» употребляется также в смысле изучения народных масс. Так, например, писатель-мифолог Аничков *folklore* переводит народоведение. Но к термину *folklore* я еще вернусь. Докладчик же, насколько я понял, рассматривает народоведение (т.е. этнографию) не в качестве сравнительного изучения народов, а в качестве исследования того или другого народа, как самодовлеющего коллектива со всеми его особенностями, обусловленными физико-климатическими условиями. Конечно, развитие народов не воспроизводится каждый раз с совершенной точностью. В развитии каждого народа мы имеем индивидуальные элементы, но эти элементы не действуют самостоятельно. Они всегда неразрывно связаны с элементами общими, с эволюционным развитием культуры вообще.

Этнография или этнология? Что чему предпочесть? Прав, конечно, докладчик в том, что вопрос этот должен быть решен международным

соглашением. Наука не может быть наукой без определенной, общепризнанной терминологии. В 1914 году должен был собратсья международный съезд представителей этнографии для решения вопросов, связанных с задачами и терминологией науки о человеке, но война помешала осуществлению этого научного предприятия.

Докладчик предпочитает «этнографию» «этнологии». Лично я – противоположного мнения, по причинам как этимологического, так и исторического характера. По своему значению этнография – описательная дисциплина. Историки, социологи, юристы, историки культуры и религии и т.д. привыкли смотреть на этнографию только как на источник материалов для своих специальностей. Публика искала в этнографии любопытных или курьезных описаний нравов и обычаев чужих или диких народов. А между тем народоведение уже давно является самостоятельной наукой первобытной культуры. Термин «этнология» более подходит к ней, чем этнография, не только этимологически. Термин «этнология» входит в преимущественное употребление почти во всех странах.

Я хочу затронуть еще один вопрос, которого докладчик прямо не коснулся, но который имеет непосредственное отношение к докладу.

Докладчик говорил о том, что такое этнография вообще. Но что надо понимать под «русской этнографией»: этнографию русского народа или этнографию России, т.е. этнографию всех народов, входящих в состав русского государства? А.Н. Пыпин и Д.Н. Анучин придают этому термину последнее значение. Из доклада Н.М. не совсем ясно, как он его понимает.

Если исходить из того положения, что этнография (или этнология) есть история первобытной культуры, то изучение цивилизованных наций является уже делом истории. Для англичан, например, непонятен был бы термин «английская этнография». Но положение социальных слоев современных культурных народов в вертикальном разрезе представляет собой известную аналогию с положением племен в пространстве по антропографическим провинциям. В народных массах цивилизованных наций еще сохранились нравы, обычаи и предрассудки отдаленных веков, которые необходимо изучить для понимания как общего развития культуры, так и культурного состояния данного народа. Изучение остатков старины в народных массах англичане и американцы называют не этнографией, а *folklore*. Термин этот был придуман в 1845 году W.J. Thoms'ом (от *folk* – народ и *lore* – знание) и с тех пор вошел в употребление во многих странах. Фольклор означает, таким образом, не только народное творчество, но весь комплекс данных по духовно-материальной и семейно-социальной жизни народных масс. В Англии и Америке немало ученых обществ, специально посвященных фольклору. Немцы заменили иностранный термин *folklore* этимологически равным ему немецким словом *Volkskunde*. Вместо «этнология» немцы употребляют термин *Volkerkunde*, т.е. изучение народов, а *Volkskunde* они

применяют к изучению немецких народных масс. Так, например, в Берлине имеются учения общества: «Verein für Volkskunde» и «Verein der Kgl. Sammlung für deutsche Volkskunde». В Дрездене мы имеем: специальный «Verein für sächsische Volkskunde», в Бреславле – «Silesische Gesellschaft für Volkskunde».

Во французской ученой литературе мы встречаем *folklore* с английским значением этого слова, но термин *ethnographie* более сохранился. Однако находятся ученые общества, имеющие специальной задачей изучение этнографии французского народа. Так, в Париже есть «Société d'Ethnographie» для общей этнографии и «Société d'Ethnographie nationale et d'Art populaire» для французского фольклора.

У нас, как я уже указывал, «русская этнография» является довольно неопределенным термином, а специальных ученых обществ, посвященных изучению русского фольклора, нет. Но покойный председательствующий этнографического отделения нашего Общества В.И. Ламанский, дав основанному им журналу Отделения Этнографии заглавие «Живая Старина», одним этим уже указал задачи журнала. Выражение «Живая Старина», как научный термин, несколько громоздко, но оно вполне соответствует английскому *folklore*. Кроме того, главная задача журнала – это изучение русской живой старины. Внутри Отделения Этнографии как будто поэтому происходит борьба между русской «живой стариной» и этнографией России. Нередко издание материалов по инородческой этнографии задерживается, чтобы она не заслоняла русскую этнографию. Для устранения этого ненормального положения необходимы были бы, на мой взгляд, два отдельных издания. Тогда обе области народоведения России могли бы свободно развиваться на пользу русской науки. То соревнование, которое установилось бы между двумя изданиями, способствовало бы также росту работ по русской «живой старине».

Л.Я. Штернберг: «Вопросы, возбужденные докладчиком, кажутся мне отнюдь не столь сложными и запутанными, как это ему представляется. Никакой антиномии нет между этнографией описательной, или народоведением, и этнографией сравнительной, или историей эволюции культуры. И то и другое составляет предмета единой науки этнографии. На практике это ни в ком не возбуждает сомнений. Эдуард Тайлор всю жизнь главным образом посвятил разработке общих вопросов эволюции культуры и никогда не писал монографий об отдельных народностях. Тем не менее, никому в голову не придет сказать, что Тайлор – не этнограф. Другой основоположник нашей науки, Адольф Бастиан, писал одинаково блестящие работы по сравнительной этнографии и монографии, посвященные отдельным группам народностей, отдельным культурам. И те и другие работы его никто не усомнится одинаково отнести к единой науке этнографии. С другой стороны, относительно таких лиц, как, например, Карл фон ден Штейнен, которые

главным образом работали над культурами отдельных народностей, так же никто не поколеблется сказать, что они – такие же ценные работники в области этнографии, как и те, которые работали над общими вопросами культуры.

Если еще слышится иногда пренебрежительное отношение к так называемой описательной этнографии, как к чему-то ненаучному, то это – пережиток того раннего периода нашей науки, когда описаниями отдельных народов занимались случайные люди, непричастные к науке: туристы, миссионеры, чиновники и т.п. Их работы действительно, в значительной степени, по выражению Кина, скорее имели отношение к «литературе», как он презрительно выражается, чем к настоящей науке. В настоящее время монографические работы об отдельных народностях выполняются людьми подготовленными, людьми компетентными, к показаниям которых относятся как к научно констатированным фактам.

В основе антиномии между описательной и общей этнографией лежит в значительной мере общеметодологическая ошибка в понимании задачи науки вообще. Нужно помнить, что основной задачей каждой науки является классификация явлений. Классификация может быть пространственная – это будет география распространения явлений, – либо классификация во времени, в смысле преемственности, развития явлений, наконец, классификация типологическая безразлично к пространству и времени. Все эти виды классификации одинаково входят в задачу этнографы. Классификация во времени и типологическая дадут нам историю эволюции различных категорий культурных явлений. Классификация пространственная даст нам картину распределения культурных явлений по отдельным этническим группам, то, что принято называть народоведением.

Такая разнородность классификации свойственна не одной этнографии. Возьмите хотя бы зоологию. Зоология – наука единая; тем не менее она, классифицируя явления во времени и типологически, создает морфологию, биологию и историю эволюции животного мира. Классифицируя явления в пространстве, она получает географию животных. Все эти области являются отраслями единой науки – зоологии. Нет никакого основания поэтому различать между общей этнографией, или эволюцией культуры, и этнографией описательной или народоведением. Подобно тому как нельзя заниматься географией животных, не имея знаний по общей зоологии, по истории эволюции и биологии животного мира, точно так же нельзя заниматься народоведением без надлежащих знаний по общей этнографии, общей истории эволюции культуры. Был период, когда этнография имела в своем распоряжении только отдельные описания народов, как существовал такой же аналогичный период в истории зоологии, но тогда и этнография и зоология не были еще науками в настоящем смысле слова. Теперь этот

период далеко позади. Поэтому не может быть двух наук – этнологии и этнографии; можно выбрать тот или другой термин: либо этнология, либо этнография, но двух терминов, как символов двух отдельных наук, допустить невозможно, иначе искажается смысл и содержание нашей науки.

Докладчик, взявшийся пересмотреть ясный сам по себе вопрос, по-видимому, и после своего пересмотра остался в большом колебании относительно решения его. В первой части своего доклада он все время пытается опровергать тех, которые рассматривают этнографию как единую науку, обнимающую и историю эволюции культуры, и частное народоведение, ставя вопрос таким образом, как будто приверженцы единой науки этнографии отрицают необходимость изучения отдельных народностей, и решительно приходят к заключению, что этнография есть народоведение, этим самым как будто совершенно выделяя из области ведения этнографии историю эволюции культуры. Во второй части своего доклада он уже дает другое определение, присоединяясь в сущности к тому пониманию задачи этнографии, которое он пытался опровергать в первой части. Он говорит: «этнография есть народоведение, ее задача – изучить развитие интеллектуальных и духовных сил человеческого рода». Если слова: «изучить развитие интеллектуальных и духовных сил человеческого рода» перевести на этнографический язык, это будет значить, что задача этнографии – изучить развитие явлений культуры, а так как изучать культурные явления невозможно без предварительного изучения культур отдельных народностей, то собственно первая, часть определения, что этнография есть народоведение, является либо тавтологией второй половины, либо, если понимать народоведение в смысле частных описаний отдельных народностей, первая половина определения этнографии противоречит второй. Что и после своего второго определения докладчик остался на точке зрения своего первого определения, видно из того, что он предлагает в заключение для поспешествования делу этнографии в России открыть две новые кафедры: одну – под именем этнографии на естественном факультете и другую – под именем истории культуры на историко-филологическом, противопоставляя таким образом эти две дисциплины, как совершенно различные науки. Тем более странно такое отношение докладчика к этнографии, что он сам по-видимому нисколько не ограничивает народоведение современными некультурными народностями. Наоборот, под народоведением он по-видимому склонен понимать изучение культур всех народов земного шара, цивилизованных и нецивилизованных, культуры современной и древней, классической древности и т.д. При таком понимании естественно было, бы предположить с его стороны понимание этнографии как науки об общечеловеческой культуре, и очень жаль, что он не сумел занять ясной позиции в том самом основном

вопросе, пересмотр которого, по его словам, составляет задачу его доклада.

Как один из аргументов, что этнография есть только наука об отдельных народностях, он приводит то обстоятельство, что этнографические материалы в этнографических музеях везде распределены в географическом порядке по народностям, а не в порядке эволюции. Он забывает, что существуют музеи как, например, известный Pitt Rivers Museum в Оксфорде, устроенный самим Тайлором, – музей, который построен исключительно на эволюционном начале. Если в других музеях объекты пока расположены только в географическом порядке, это только вопрос свободного места. В настоящее время, когда музеи стараются расширить свои помещения, они в то же время задаются целью, наряду с классификацией пространственной, дать классификацию и эволюционную, и между прочим в музее нашей Академии Наук предполагается устроить особый отдел эволюционный, рядом с отделом этногеографическим. То же предположено сделать и в Берлине, когда Музей Народоведения переведется в новое здание.

Точно так же не согласен я с докладчиком относительно разряда наук, к которым; должна быть отнесена этнография. В одном месте он говорит, что «этнография входит в систему антропологических знаний». Что понимает докладчик под термином антропологических знаний – он не объясняет. Но в другом месте он сочувственно, всецело присоединяясь, цитирует Бэра, который под антропологией подразумевает «совокупность всего того, что мы знаем о человеке». Таким образом, антропология обнимает все науки занимающиеся изучением человека: историю, философию, психологию, лингвистику и т.д., так что как будто выходит, что, с точки зрения докладчика, этнография, как часть такой всеобъемлющей науки о человеке, относится к гуманитарным наукам. В то же время еще в другом месте докладчик категорически утверждает, что этнография есть дисциплина чисто естественно-историческая. С этим безусловно нельзя согласиться. Ведь, даже те, которые стоят на той точке зрения, что все науки должны быть включены в естественно-исторические, признают, что существует особая отрасль наук, специально занимающихся надорганическим миром, человеком, – отрасль наук гуманитарных. Естественно поэтому, что этнография, как наука, изучающая культуру, даже и в том смысле, в котором ее понимает докладчик, должна быть отнесена не к естественно-историческим наукам, а к гуманитарным. Из того, что этнография нуждается во вспомогательной дисциплине – соматической антропологии, которая является дисциплиной естественно-исторической, вовсе не вытекает, что этнография сама тоже должна быть отнесена к естественно-историческим наукам. Из вспомогательных наук наиболее важными для этнографа являются именно науки гуманитарные: история вообще и история искусства и религии в

частности, философия, языкознание, археология, право, народное творчество и т.д. Это косвенно признает и сам докладчик, перечисляя огромные услуги, оказанные этнографии историками, фольклористами, социологами, лингвистами. Как же можно оторвать этнографа от всех этих столь близких ему отраслей знаний и прикрепить его к химии, физике, ботанике, зоологии и т.д., – отраслям, так далеко отстоящим от специального предмета его изысканий? Из всего сказанного мною ясно, что я не могу никоим образом согласиться с предложением Докладчика о том, чтобы этнография преподавалась под именем этнографии на естественном факультете и под именем истории культуры – на историко-филологическом. Этнография прежде всего наука единая и, далее, как гуманитарная наука, одинаково нужна и географу, и историку, и слушателю восточного факультета, и юристу в той или другой степени. Поэтому, если возбуждать ходатайство, то нужно возбудить ходатайство об учреждении кафедры этнографии вообще, и дело отдельных факультета в ввести преподавание ее в той или другой форме, в том или другом объеме.

Хотелось бы еще отметить одну маленькую неточность в упреках докладчика по отношению к антропогеографии. Нельзя смешивать картографические работы по этнографии Анкермана с работами Чекановского. Такие работы, как Анкермана, которые сводятся к картографическому зафиксированию географического распространения тех или других культурных явлений, являются бесспорно важными работами по этнографии и не могут подлежать упрекам, если только они основаны на несомненных данных. Другое дело работы Чекановского, которые страдают неправильным приложением статистического метода к некоторым этнографическим явлениям. Но огульно отрицать роль статистического метода, правильно примененного, конечно, невозможно, и ошибка Чекановского никоим образом не является результатом крайностей антропогеографии.

В заключение должен сказать, что я вполне сочувственно отношусь к жалобам докладчика на недостаточную изученность России в этнографическом отношении. Много работы предстоит на этом пути. Но именно для того, чтобы создать кадры хорошо подготовленных работников, необходимо, чтобы преподавание этнографии было поставлено на широкую базу общей эволюции культуры.

Н.М. Могилевский, отвечая Оппонентам, заявил, что, считаясь с поздним временем, он может лишь очень кратко высказаться по существу сделанных на его докладе заявлений и возражений.

Горячая речь В.П. Семенова-Тян-Шанского – лучшее доказательство той опасности, на которую указывал в своем сообщении докладчик, – опасности крайнего увлечения идеей антропогеографии. В конечном выводе у В.П. Семенова-Тян-Шанского мы имеем предложение заменить

Отделение Этнографии Императорского Русского географического общества Отделением Антропogeографии, – предложение, с которым никак нельзя согласиться, ибо важная задача этнографического обследования России не может быть оставлена Императорским Русским географическим обществом.

В.И. Иохельсону докладчик ответил, что имел в виду этнографию России в широком смысле этого слова и лишь указывал особенно крупный пробел в изучении этнографии русского населения. Что касается возражения В.И. Иохельсона по поводу понимания докладчиком объема и содержания социологии, то докладчику кажется, что основано оно на чисто случайном недоразумении, и при чтении текста доклада В.И. Иохельсон убедится, что между ним и докладчиком разногласия не существует. Что же касается категорического отстаивания В.И. Иохельсоном термина «этнология», то и в докладе сказано, что это могло бы быть делом соглашения русских этнографов. Докладчик лишь не может найти достаточных оснований для этой замены, но если бы необходимость замены была достаточно аргументирована, то, при соглашении на такую замену должны были бы согласиться и те, кто высказывается сейчас против этого.

Н.М. Могиланский согласился с Л.Я. Штернбергом, что антиномии нет при сопоставлении понятий этнографии и истории культуры, ибо и та и другая опираются на один и тот же научный материал. Но в утилизации материала должна быть разница. Книга Н.Н. Харузина «Этнография» в 4-х выпусках построена так же, как, например, «История культуры» Липперта, а это неправильно, ибо этнограф должен отличаться от историка культуры; он из того же материала строит своеобразное здание научной этнографии; его ближе интересуют народы, с их индивидуальными, типическими особенностями.

В заключение Отделение постановило: передать предложение Н.М. Могиланского относительно учреждения кафедр этнографии, антропологии и истории культуры в комиссию в составе: Н.М. Могиланского, Л.Я. Штернберга, В.И. Иохельсона, Ф.К. Волкова и В.П. Семенова-Тян-Шанского, собрать которую просить Председательствующего, – для доклада ближайшему заседанию Отделения.

[Из журнала заседания Отделения Этнографии ИРГО (4 марта 1916 года)]
// Живая старина. 1916. Вып. II-III. С. 1-11.